

ПЕРСОНА | Известный писатель передал свою литературную премию на Донбасс

АЛЛА КАНЬШИНА

На пресс-конференции в драматическом театре имени А. С. Пушкина, посвящённой приезду Захара Прилепина и премьеры нового спектакля «Если долго идти навстречу...», поставленного по его рассказу «Лес», журналисты сосредоточились почти только на писателе. Ещё бы: по рейтингу Politanalitika.ru, он входит в десятку лидеров российской политики, его произведения переведены на десятки языков, включены в обязательную и рекомендованную программу пяти российских университетов.

Встречная провокация

У постановок по прилепинскому творчеству непредсказуемая судьба. Писатель рассказал, как по-разному принимала берлинская аудитория «Отморозков» по его «Саньке» в постановке Кирилла Серебренникова ещё до лауреатства в «Золотой маске». Просвещённая немецкая публика после спектакля раз пятнадцать вызывала трупку овациями. Зато русскоговорящие эмигранты, ожидавшие, вероятно,

Если долго идти к Прилепину

что будут «вишнёвые сады, дамы и господа», демонстрировала раздражение: одни уходили, другие выкрикивали протесты и предлагали «убираться в свою Россию», третьи пытались помешать артистам выходить на сцену. Захар Прилепин объясняет такое восприятие извечным российским скепсисом и консерватизмом в отношении самих себя, что, в свою очередь, настраивает и европейцев на ожидание услышать от русских очередной миф о депрессивной России. Правда писатель и сам способен на встречную провокацию, как было в пересказанном им в оба магнитогорских приезда диалоге с ведущей радиопрограммы за рубежом. Она так настойчиво подсаживала ему положительные ответы на вопросы об изломанности русской души чеченской войной, что он выдал — мол, хоть сейчас готовы в бой. Тему тут же сменили.

По поводу родины писатель признаётся: два десятилетия жил в ощущении, что народ становится аморфной массой с меркантиль-

ными настроениями — «русская национальная матрица превращается в русскую национальную мифологию». Спасение страны Прилепин видит в православном духовенстве — не герое анекдотов о дорогих часах, а образце и психологе для односельчан — ведущем полевую работу, удерживающем российскую глубинку от пьянства, отчаяния и распада. И многое изменила ситуация на Украине, которую писатель сначала переживал болезненно, поскольку воспринимает украинцев и русских как единый народ. Потом принял разрыв как факт: «Всё сложилось как сложилось». Захар Прилепин без обиняков назвал число россиян, воевавших в Новороссии за пять месяцев: тридцать пять тысяч. Он видит в них героев, мотивированных идейно. В отрядах отмечает жёсткую дисциплину. Не отрицает проявлений недовольства от их присутствия со стороны мирного населения, но это — скорее усталость от самой войны, а не вражда. И убеждён в том, что народ, рождающий способное сражаться за идею поколение, — не пропал. Однако его тревожит надвигающаяся гуманитарная катастрофа: «Если не обеспечить мирных жителей теплом и пищей — это обнулит все успехи».

Случайная «обитель»

Об Украине на пресс-конференции было много вопросов, но писатель перевёл разговор в литературную плоскость — о своём новом романе «Обитель». Рождённый из случайной двухнедельной поездки на Соловки по приглашению режиссёра Александра Велединского, он на два с половиной года погрузил Прилепина в работу с архивом, мемуарами, фотографиями, позволил обрисовать почти полтора героя. А до того был сложный выбор эпохи в пятисотлетней монастырской, крепостной истории Соловков, которая послужила бы основой романа. Выбор пал на двадцатые — время формирования ГУЛАГа, в меньшей степени, чем следующие десятилетия опи-

санное очевидцами — Солженицыным, Шаламовым, Домбровским. Захар Прилепин признался: работая над романом, впервые постиг правоту метафоры, которая прежде казалась пафосной натяжкой — об оживающих в мыслях автора героях, об их праве выстраивать логику литературного материала помимо воли писателя. И поделился удовольствием так точно угадывать в своих персонажах, рисующих реальных людей, привычки и поступки, что прототип одной из эпизодических героинь, о которой он почти ничего не знал, была уверена: он написал о ней со слов хорошо знающего её человека.

На настойчивую просьбу участника пресс-конференции назвать среди российских режиссёров самого Прилепин усмехнулся: «Сегодня он ведущий, а завтра... не ведущий». Кумиров для него, похоже, не существует, но интересной для себя считает режиссуру Ивана Вырыпаева, Бориса Хлебникова, Авдотьи Смирновой, Андрея Звягинцева. Но даже обращение Павла Лунгина за разрешением на экранизацию «Обители» не стало для Прилепина поводом изменить собственному правилу передавать права на постановку или экранизацию первому, кто предложит, независимо от заслуг. Потому что к тому времени права на экранизацию «Обители» он уже передал Александру Велединскому — режиссёру фильма «Географ глобус пропил».

Самосознание россиян

Выпускающий редактор «ММ» и книголюб Станислав Рухмалёв заинтересовался, чем вызван интерес Прилепина к Леониду Леонову и почему, составляя шеститомник классика советской литературы, он не включил в него самый «леоновский» роман «Русский лес». Ответ был шире, чем вопрос: Захара Прилепина возмущает выдавливание советской классики из образовательных программ. Михаил Шолохов и Леонид Леонов, на его взгляд, незаслуженно отодвинуты из сферы изучения молодёжи, тогда как эти авторы для двадцатого века в России столь же значимы, как Толстой и Достоевский для девятнадцатого. Жаль, «Русский лес», словно надгробной плитой, придавил автора, — слишком дидактичен. Оттого и не помещён в шеститомник. Но для программной в леоновском творчестве «Пирамиды» место нашлось. «Несовременным» оказался Прилепин и в своём пристрастии к поэзии земляка — Сергея Есенина: «Он моё всё». Собирается написать о нём книгу в серии «ЖЗЛ».

Литературная тема снова вернула разговор к теме самосознания россиян. Запад, где пятёрка русских авторов от Толстого до Булгакова неизменно входит в десятку самых «продаваемых» писателей, рассуждал гость, пытается совместить несовместимое — свой неисклюкающий интерес и доверие к русской литературе с образом русского человека, построенном на тамошних мифах и нашем нигилизме в отношении к самим себе. Объяснить им загадку русской души невозможно: «Для Запада мы всегда будем неправильными... лучше просто поддерживать интерес».

Крым — наш

Писатель остановился и на своих отношениях с либеральной интеллигенцией — «москowsкой просвещённой публикой, присвоившей себе право

представлять всю интеллигенцию», меряющей всё «правильной позицией по Ходорковскому и Путину».

— Пока это способ мыслить, альтернатива, благотворительная и правозащитная деятельность, они нужны, — считает он, приводя в пример постановку спектакля «Если долго идти навстречу», осуществлённую на грант Фонда Михаила Прохорова. — Но они становятся злом для России, если берут власть и пилят страну по своим лекалам. Нам нельзя терять ощущения, что правота за нами. Не хочу, чтобы

У всех театральные постановки по его произведениям непредсказуемая судьба

вместо приветствия молодёжь заявляла: «Пора валить из Рашки», хочу, чтобы любили Родину, считали, например, что Крым — наш. Я не пытаюсь переспорить, мне нужно, чтобы слышали и нашу позицию.

Уже после встречи стало известно, что за роман «Обитель» Захару Прилепину присуждена российская национальная литературная премия «Большая книга-2014» и что он отдал её в помощь Донбассу.

Спектакль «Если долго идти навстречу...» писатель заранее не смотрел и по своему обычному правилу никаких предварительных условий не ставил. От авторского названия пришлось отказаться, чтобы не путать постановку с другой премьерой сезона — «Лесом» по Александру Островскому. А фраза, ставшая названием — «Если долго идти навстречу», — это отсылка к размышлениям героя истории. Воспоминания об эпизоде из детства возвращают его к сплаву с отцом и его приятелем на автомобильной камере. Событий в этой истории немного: своеобразные диалоги отца с другом, где первый — молчун, а второй говорит, смена пейзажей по берегам реки, потеря и поиски спутника, ночёвка мальчика на хуторе у незнакомца. Постановка богата впечатлениями ребёнка: только в детстве можно заметить столько в незначительных для взрослого деталях и так крепко запечатлеть их в памяти — молчаливость отца и его скрытую нежность к сыну, заботу о товарище, красоту, величие и созвучность природы с человеческой душой. По канве эта история — «пляжная», поначалу дурашливая, актёры — в трусах. Однако малопомалу в повествование вкрадывается щемящая нота и уже не отпускает, как не может вовеки отпустить тоска по утерянному. Об этом чувстве утраты отца и детского счастья близости с ним и создан спектакль.

В ожидании допроса

Ещё на этапе работы над его эскизом для театральной лаборатории уфимский режиссёр Александр Марьян признавался, что хотел постановкой разобраться в мужском мире без мужского воспитания. Большой удачей стал выбор актёров. Авторский текст на сцене произносит Игорь Панов. Отца, скупого на выражение эмоций, но наделённого притягивающей душевной силой, выразительно сыграл Сергей Меледин, его маленького сына — не новичок на сцене Семён Майоров, товарища отца — заслуженный артист России Михаил Никитин.

То, что рождалось как эксперимент в Театральной лаборатории, сумело вырасти в настоящий спектакль. Совсем скоро магнитогорского зрителя ждёт ещё один спектакль по Прилепину, тоже сначала рождённый как эксперимент в театральной лаборатории, — «Допрос» в постановке челябинского режиссёра Олега Хапова

ФОТО: ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЁВ

➤ Настоящий писатель — то же, что древний пророк: он видит яснее, чем обычные люди. Антон Чехов